

Мария
Зарская

**И к гадалке
не ходи!**

Мария Барская

И к гадалке не ходи!

«Антон Иванов, Анна Устинова»

2006

Барская М.

И к гадалке не ходи! / М. Барская — «Антон Иванов, Анна Устинова», 2006

Долгие годы Дина была просто женой. Заботливой и верной. Безгранично любила своего мужа, brave военного. Думала, что их чувства взаимны. Но все оказалось ложью. И уютный мир рухнул в один миг. Как трудно начинать жизнь с чистого листа! Помощь преданной подруги Полины, модной гадалки и ясновидящей, пришла внезапно...

© Барская М., 2006

© Антон Иванов, Анна Устинова, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мария Барская

И к гадалке не ходи

Глава 1

Дина невольно застыла перед огромным плакатом, выставленным в окне старинного особняка: «Мы открылись на новом месте!» Под текстом прямо на Дину смотрело Полино лицо. Ну да, она чуть постарела с момента последней их встречи, и все же Дина не сомневалась: это была она. Ее старая школьная подруга, с которой они просидели за одной партой с первого до последнего класса!

Дина забежала за угол, куда указывала стрелка на плакате. Бронзовая табличка слева от дубовой двери, выполненной под старину, гласила: «Центр духовного совершенствования и целительства ясновидящей Аполлинии Яворской».

Второй Аполлинии Яворской на свете уж точно не существует, тем более с такой характерной и запоминающейся внешностью. Только вот как и когда она умудрилась превратиться в ясновидящую? Раньше Дина за ней подобных способностей не замечала. Наоборот, Поля отличалась скорее поразительной способностью влипать в разнообразные неприятности.

Первым Дининым порывом было, потянув на себя за медную ручку тяжелую дверь, войти внутрь и попросить позвать Аполлинию Яворскую. Однако в следующее мгновение рука сама собою отдернулась.

Зачем? Сколько лет прошло, сколько воды с тех пор утекло. Может, Поле вообще не захочется ее видеть. У нее теперь собственный бизнес, и, судя по состоянию здания, имеются солидные спонсоры либо собственные солидные заработки, а возможно, и то и другое. А у нее, Дины, что? Полторы ставки в поликлинике да двое детей без мужа. Зачем такая компания нынешней Поле? Если бы старинная подруга хотела с ней общаться, давно бы разыскала. Тем более если теперь ясновидящая.

Дина не без горечи усмехнулась. Поля – ясновидящая! Это никак не укладывалось в ее голове. А посмотреть на Аполлинию в новой роли хотелось. Может, все же зайти? Не съест же она ее, в конце концов!

Дина продолжала топтаться на месте. Вдруг дверь широко распахнулась, наружу вылетел молодой человек. Вслед за ним неспешно прошествовала крупногабаритная дама в шикарной собольей шубе. Ее пышные смольные кудри были рассыпаны по плечам.

– Заходите, заходите, не стесняйтесь. Вам обязательно помогут...

Она запнулась. Взгляд ее резко изменился, черные глаза зашарили по Дининому лицу.

– Дину-ушка! – взвизгнула в следующий миг дама.

– Полька! – кинулась к ней Дина. Они заключили друг друга в объятия.

– А я-то думаю, к чему ты мне всю ночь снилась! – верещала Аполлиния в ухо Дине, крепко прижимая ее к необъятной груди. – Так и знала, что ты должна появиться. Какое счастье! Я по тебе скучала! Мне тебя сильно не хватало. Ну дай-ка я на тебя погляжу как следует!

С этими словами она резко отпихнула от себя вновь обретенную подругу, едва не уронив ту в глубокий сугроб.

– Совсем не изменилась! Ну прямо ни чуточки.

– Кхе-кхе, – раздался выразительный кашель молодого человека, по-прежнему придерживавшего дверь. – Аполлиния Максимовна, вы, э-э-э, не забыли? У нас сейчас встреча. Александр Иванович вас ждут-с. А они очень не любят, когда опаздывают.

– Славик, заткнись, – бросила на него уничижительный взгляд Аполлиния. – Ты меня еще жить будешь учить. Подождет твой Александр Иванович, не развалится. Скажем: в пробке

застряли. Тем более я ему хорошие известия везу. Ты что, не понимаешь? Я дорогого мне человека наконец нашла. Да она мне дороже десяти Александров Ивановичей!

– Поля, разве ясновидящая может в пробке застрять? – ехидно полюбопытствовала Дина.

– В Москве – запросто, – ничуть не смутилась Аполлиария. – У нас такая идиотская схема движения. Тем более за рулем у меня вот этот красавец, а он, в отличие от меня, совсем не ясновидящий. Да и мне на подобную ерунду, вроде предсказания пробок, размениваться совсем не по рангу. Ну что ты в эту дверь вцепился! – прикрикнула она на «красавца». – Иди живо машину подгони!

Молодой человек, пролепетав: «Слушаюсь!» – кинулся к роскошному белому «Мерседесу», припаркованному чуть поодаль.

– Ой, Динка, как я тебя рада видеть! Ты ко мне шла?

– Да нет. Просто случайно, мимо, – не стала кривить душой подруга. – И вдруг вижу твое лицо.

– Так и чувствовала, что нужно этот плакат повесить! – возликовала Аполлиария. – А как меня все отговаривали. Видите ли, смотрится несолидно. Надо рекламный щит на улице. Но я поступила по-своему. Знала: так надо. А теперь ясно, ты должна была ко мне вернуться. У тебя время-то есть или спешишь?

Дина замялась:

– Да, в общем, немного есть.

Через час у нее начинался прием в поликлинике, и надо бы направиться в сторону работы. С другой стороны, время еще не поджимало. Поэтому, когда Славик услужливо распахнул заднюю дверцу «Мерседеса», Дина, подбадриваемая Аполлиарными тычками в бок, покорно забралась в уютное нутро машины. Поля немедленно плюхнулась рядом. Слава уже успел включить печку. В салоне становилось тепло.

«Куда я еду? Зачем?» – лениво подумала Дина, однако не предприняла ни малейшей попытки выйти. Уж очень не хотелось обратно на мороз. В конце концов, довезут же ее до работы. В крайнем случае немного в кои-то веки опоздает. Ничего страшного.

Машина тем временем устремилась в противоположную сторону от Дининой поликлиники.

Аполлиария, сверкая крупными яркими камнями колец, которыми были унижены ее пальцы, распахнула дверцу бара.

– Выпьем, подруга, за встречу! Тебе шампанского или чего покрепче предпочитаешь?

– Да у меня прием, – встрепенулась Дина.

– Не вижу проблемы, – хмыкнула Аполлиария. – Мы ж по чуть-чуть, символически. У меня тоже работа. А-а-а, понимаю. Небось пообедать не успела и боишься, что на голодный желудок развезет. Так у меня свежие бутербродики есть. Всегда при себе имеем. Мало ли где Славке меня долго ждать придется. Да и сама иногда на ходу перекусывать вынуждена.

Держа наготове бутылку «Вдовы Клико», Аполлиария другой рукой, не менее щедро униженной крупными перстнями с самоцветами, открыла маленький холодильничек.

– Тебе с какой икрой, с черной или с красной? Или, может, балычок предпочитаешь?

Ситуация казалась Дине совершенно нереальной. Тем не менее она сбивчиво объяснила подруге, что ее волнует не сам факт опьянения, а запах, который наверняка учуют пациенты.

– Нашла о чем беспокоиться, – отмахнулась Аполлиария, и разноцветье камней снова тревожно сверкнуло. – У меня тут есть специальные таблетки, любой запах нейтрализуют. Слушай, а где ты работаешь? Фирма солидная?

– В поликлинике, – объяснила Дина. – Раньше была ведомственная, а теперь превратилась почти в районную. Поэтому основная моя клиентура – старики из бывших чиновников да местные жители.

– Ну ты меня удивила! – с тихим хлопком избавив от пробки «Вдову Клико», протянула Аполлинария. – Уж от тебя никак не ожидала. Умница, красавица, отличница, гордость курса. Я-то предполагала, ты в наше время как следует развернешься. Либо светилом каким-нибудь станешь, либо медцентр собственный организуешь. С твоими-то талантами. Куда ж ты, мать, весь свой багаж растеряла?

В чем-то Аполлинария была совершенно права, но Дине стало обидно. Одно дело в глубине души отдавать себе отчет, что не реализовала свои возможности на все сто процентов, и совершенно другое – когда тебе заявляют об этом прямым текстом. Пусть даже и бывшая лучшая подруга.

– У меня нормальная интересная работа, – сухо отозвалась Дина. – Люди разные приходят. Я им помогаю. Кто-то же должен это делать.

– Словно я не знаю, что такое работа в районной поликлинике. Это же полная дисквалификация. Строчишь целыми днями записи, а помочь все равно никому не можешь. Да и некогда.

И тут не поспоришь. Дина тем не менее упрямо возразила:

– Если хочешь, всегда помочь можно. Да и большинству моих пациентов главное не лекарства, а внимание. Им надо, чтобы их выслушали.

– О том и речь! – воскликнула Аполлинария. – Вместо того чтобы лечить реальные болезни (а это как раз тебе дано), ты ля-ля разводишь и дисквалифицируешься.

– Слово тоже лечит, – твердо стояла на своем Дина.

– Мне ли не знать, – на сей раз согласилась подруга. – Как-никак, моя область. Только ведь ты-то достойна большего, чем районная поликлиника.

– Ой, да хватит нам про работу, – хотелось скорее прекратить бесполезный разговор Дине. – Столько лет ведь не виделись.

Теперь она уже жалела, что села в машину, которая уносит их все дальше от ее поликлиники.

– Тогда выпьем.

Аполлинария разлила шампанское по бокалам.

– За встречу. И чтобы нам больше надолго не расставаться.

Дина машинально глотнула и ощутила разочарование. Шампанское и шампанское. А ей-то всегда представлялось, будто «Вдова Клико» должна обладать каким-то особым, божественным, неземным вкусом.

– Первый раз небось «Вдову» попробовала! – Аполлинария словно читала ее мысли. – Согласна. Вроде ничего особенного. Только теперь уже ты так называемое «Советское шампанское» в рот взять не сможешь. Все познается в сравнении, моя дорогая. И к хорошему, при всей его ненавязчивости, привыкаешь гораздо скорее, чем к плохому.

– На такое шампанское у меня все равно зарплаты не хватит. Так что привыкай не привыкай...

– Из чего заключаю, что твой Терехин до генеральских чинов не добрался, – без обиняков объявила Аполлинария.

– Он сперва демобилизовался, а потом деморализовался. – У Дины от шампанского уже немного поплыла голова.

– И что же он, деморализованный, сейчас делает? – поинтересовалась подруга.

– Где-то что-то. – Дина пожала плечами. – Я не вникаю и не интересуюсь. Мы уже десять лет как в разводе. На детей подкидывает, и ладно.

– А какая любовь была, – мечтательно закатила глаза Аполлинария. – Все вокруг так завидовали.

– Вот, верно, и сглазили, – вздохнула Дина.

– Нету на тебе сглаза. Как специалист говорю.

– А что есть?

– Да ничего. По-моему, ты просто уверенность в себе потеряла. Совершенно на себя прежнюю не похожа. Раньше из тебя энергия так и брызгала, а теперь прихлопнутая какая-то, будто мышь в мышеловке. С тобой как следует поработать придется.

– У меня на тебя денег не хватит. В твоём центре расценочки небось... – Дина горько улыбнулась. – Да если откровенно, не верю я во всю вашу эзотику. Как-никак, врач.

– Ты меня обижаешь, можно даже сказать, оскорбляешь, – перебила ее Аполлинария. – Денег я с тебя, разумеется, не возьму. А надувать тем более не стану. Я, между прочим, дипломированный психотерапевт. Или ты в это тоже не веришь?

– При чем тут «веришь не веришь». Жизнь, она по-своему решает. Выше головы не прыгнешь. Двое детей. Их растить и кормить надо. Куда я от этого денусь.

– Так именно для них и постарайся! – Разноцветные перстни вновь засверкали под лучами зимнего солнца. – Ты их должна как следует на ноги поставить. Ну хорошо, на себя рукой махнула. Предположим. Но о них подумай! Слушай, – все сильнее воодушевлялась она, – бросай ты свою районную богадельню и переходи ко мне в центр.

– Кем? – Дина опешила. – На кофейной гуще я гадать не умею.

– Кто же тебя заставляет. Это, между прочим, особая наука, ее осваивать надо. Пойдешь ко мне терапевтом.

Дина хихикнула:

– Хорошая ясновидящая, если тебе терапевт нужен.

– Ничего смешного, ясновидящие тоже видят не все, а лишь дозволенное свыше, и мне, чтобы клиенту как следует помочь, не вредно про болячки его выяснить. Я, между прочим, прекрасно помню, какие у тебя всегда способности к диагностике были. Маринке Кожиной три опытных врача диагноз поставить не могли, а ты с ходу внematочную определила, хотя и не гинеколог.

– Случай был очень ясный, – ответила Дина. – К тому же я все привходящие знала.

– А моему отцу все твердили: сердце, сердце, и только ты поняла, что у него камни в желчном пузыре.

– Ну кое-что, конечно, умеем, – словно бы нехотя согласилась Дина.

– Вот это-то твое «кое-что» мне и надо, – тоном, не допускающим возражений, произнесла подруга. – А не хочешь из поликлиники уходить, пожалуйста: оформлю тебя консультантом.

– Да у меня времени свободного почти не остается. – Дина совсем растерялась.

Напор подруги сбивал ее с ног, и она инстинктивно сопротивлялась, боясь расстаться со своим обычным и давно ставшим привычным мирком.

– Найдешь время. – Аполлинария запустила руки в нутро черной сумки из мягкой кожи, отделанной золотыми клепками. – Вот тебе моя визитка. Сейчас я тебе напишу свой домашний и особо секретный мобильный, для самых близких.

Кольца еще раз сверкнули, когда Аполлинария быстро водила пером по матово-платиновому полю карточки.

– Обязательно позвони. И, пожалуйста, не тни с решением. Кстати, свой номер дай.

На солнце засверкал извлеченный из сумки мобильник. Дина даже зажмурилась. Ей показалось, что телефон у подруги инкрустирован бриллиантами. Впрочем, возможно, это были стразы.

Дина продиктовала свой домашний.

– Теперь мобильный, – скомандовала подруга.

– Он в основном у дочки, – смутилась Дина.

– Зачем мне дочкин? Мне твой нужен.

– Да у нас он один.

– Понятно, – резко кивнула Аполлинария. – Обеспечим за счет центра. Мне нужно, чтобы ты всегда была на связи.

– Но у меня работа и...

– Малооплачиваемая работа не волк – в лес не убежит, – не дослушала ее подруга. – Славик, остановись и выпусти меня, – переключилась она на водителя. – Парковаться не надо. Отвезешь Дину Николаевну, куда прикажет. Меня не провожай. Вон, макаки Александра Ивановича уже караулят. Ну пока, подруга.

И, смачно чмокнув пухлыми губами Дину в щеку, Аполлинария с неожиданной для ее фигуры легкостью выпорхнула из салона на улицу.

Глава 2

Дина осталась в машине вдвоем со Славиком и пребывала в полной растерянности.

– Вам куда? – вывел ее из задумчивости голос водителя.

Она принялась сбивчиво объяснять.

– Ага, представляю, – кивнул он, и, развернувшись, они направились в обратный путь.

– Вы пейте, пейте шампанское, – сказал Славик. – Все равно открыто. Чего добру пропадать. Аполлинария Максимовна эту «Вдову» из открытых бутылок никогда не допивает. А я вообще непьющий. У меня аллергия на спиртное.

– А-а-а, – только и протянула Дина, машинально наполнив до краев бокал.

Была не была. Когда еще раз доведется «Клико» попробовать. Главное, потом попросить у Славика эти самые чудодейственные таблетки. А то на больных даже «Вдовой» дышать неудобно. Алкоголь есть алкоголь. Она всегда осуждала коллег, которые, отметив на работе день рождения или какой-нибудь другой праздник, идут на прием.

Нет, но Поля-то, Поля... Как она изменилась! То есть внешне-то практически нет. Разве что стала очень ухоженной. Таких холеных лица и рук у нее в юности точно не было. А вот характер изменился разительно.

Дине вспомнилось, как она впервые в жизни увидела Полю. Было это первого сентября. Родители оставили Дину, державшую в руках огромный букет гладиолусов, около учительницы Валентины Петровны, где уже собралась кучка мальчиков и девочек, Дининых одноклассников. И тут к Валентине Петровне подошла женщина с девочкой. Таких полных людей Дина еще не встречала. Женщина смахивала на огромный айсберг. Вершина – голова. Лицо круглое, с брылистыми щеками и тройным подбородком. Шеи не наблюдалось вовсе. Зато из цветастого платья выпирали мощные грудь, живот и поистине необъятные бедра. В довершение ко всему айсберг стоял на распухших слоновьих ногах, которые, словно перестоявшее тесто, пытались бежать из широких растоптанных туфель. Толстуха крепко держала за руку черно-волосую девочку, тоже очень полную.

Мальчишки за Дининой спиной захихикали. А один из них громко сказал:

– У слона была жена – Матрена Сигизмундовна!

Раздался хохот. Глаза у толстой-толстой девочки мигом подернулись слезами, и она уткнулась лицом в мамин большой спасительный бок; ну вылитый обиженный слоненок.

– Иващенко! – нахмурилась Валентина Петровна. – Стихи Чуковского будем читать на уроке литературы, а сейчас становитесь-ка строем. Парно. Аполлинария, иди сюда, – и, оглядев свой класс, остановила взгляд на Дине. – Вот тебе пара. Возьмитесь за руки.

Дине было так жалко толстую девочку, к тому же носившую столь диковинное и странное имя, что она, не задумываясь, протянула ей руку. Та, однако, примеру ее не последовала, а, зарывав в голос, изо всех сил вцепилась в мамино платье.

– Поленька, Поленька, – закудаhtала толстуха, пытаясь оторвать от себя дочь. – Ты же мне обещала не плакать.

Однако никакие увещания не помогали. Дочь продолжала, всхлипывая, цепляться за спасительное платье.

– Вы уж нас извините, – смущенно объясняла учительнице ее мама. – Уж такая она у нас стеснительная получилась.

– Ничего страшного, – успокаивала Валентина Петровна. – Скоро привыкнет. С ребятами познакомится и обживется в коллективе. Не волнуйтесь, идите домой.

Обживалась, однако, Поля совсем нелегко. То есть с Диной-то они подружились сразу, потому что Валентина Петровна усадила их за одну парту. А вот с другими ребятами отношения у Аполлинарии складывались сложно. И полнота ее, и необычное имя магнитом притяги-

вали обидчиков. Аполлинария любое слово в свой адрес принимала близко к сердцу и бурно реагировала, поэтому дразнить ее было особым удовольствием. Вот мальчишки и наслаждались, изоцпляясь в изобретении самых обидных и колких прозвищ.

Сколько раз Дина пыталась ее убедить: не обращай внимания, и они мигом отстанут. Поля клятвенно обещала в следующий раз потерпеть, но надолго ее не хватало. Слезы сами собой начинали литься из глаз.

А самым обидным из всех показалось ей прозвище, прилипшее после уроков ритмики – полька-бабочка. Отныне, стоило учительнице объявить этот танец, а танцевали его едва ли не каждый урок, весь класс, включая девчонок, которые обычно сочувствовали Поле, разражался диким хохотом. Поля, спрятав в ладони пылающее лицо, выбегала вон из класса. Дина ужасно стыдилась, но и ее разбирал смех. Удержаться не было мочи, хотя она и не понимала, что тут, по сути дела, такого смешного. Счастье еще, что учительница ритмики быстро разобралась в ситуации и обучила их другому танцу. Польку-бабочку Динин класс больше не исполнял, а вот прозвище прилипло к Аполлинарии до конца школы. Правда, какое-то время спустя оно сократилось просто до Бабочки, да и сама Аполлинария с годами почти привыкла к нему.

В их классе не существовало других двух подружек, столь непохожих, как Дина и Аполлинария. Дина – веселая, хорошенькая, общительная. Ее приглашали во все компании и на все дни рождения одноклассников. Девчонки наперебой рвались с ней дружить, а стаи мальчишек крутились вокруг нее чуть ли не с первого класса.

Аполлинария, наоборот, была замкнутая, обидчивая. И держалась всегда настороженно, будто постоянно ожидая от окружающих какой-нибудь подлости. Увы, ожидания ее часто оправдывались. Страх превращал ее в идеальный объект для насмешек и издевательств. По-своему она, конечно, тоже пользовалась вниманием у мальчишек, однако совсем по-другому, чем Дина. Это было злое внимание, и Аполлинария предпочла бы превратиться в невидимку. Чтобы никто-никто в классе ее вообще никогда не замечал.

А ведь при этом ее нельзя было назвать абсолютной дурнушкой. Личико у нее было вполне симпатичное. И глаза – живые, большие, черные. Дина постоянно думала: веди подруга себя по-другому, на ее полноту вообще перестали бы обращать внимание. Однако Аполлинария словно нарочно подставлялась под насмешки, которые ударяли ее по самому больному, превращаясь в толстую глупую дурнушку.

Заставить Аполлинарию отвечать у доски было невозможно. Учителя чуть ли не плакали. За письменные работы она неизменно получала пятерки по всем предметам. А едва ее вызывали к доске, становилась немой изваянием с бессмысленно вытаращенными глазами. Казалось, начнись в это время пожар, она и тут не сдвинется с места. Кончилось тем, что часть учителей вообще прекратила ее вызывать, другие же, более доброжелательные, опрашивали ее наедине, оставив после уроков.

Но Дина знала совершенно другую Полю. Когда они оказывались вдвоем, подруга преобразалась. Она становилась живой, разговорчивой, остроумной, а порой даже едкой и очень наблюдательной. К тому же она много знала, потому что много читала, и Дине с ней было невероятно интересно. А уж поговорить по душам, как с Полей, она вообще ни с кем не могла.

Поля понимала с полуслова, никогда ничего лишнего объяснять не приходилось. И давала крайне точные и мудрые советы. Дина лишь удивлялась: как же Поля сама себе не может посоветовать правильно вести себя на людях. Но, видимо, ужас перед окружающим миром пересиливал в ней разум.

Притягательности дружбы с Диной способствовал один немаловажный фактор – библиотека покойного дедушки Аполлинарии, в честь которого, собственно, ее так странно и называли. Имя, конечно, изрядно попортило внучке жизнь, однако библиотека покойного невропатолога Аполлинария Яворского доставила двум подругам много часов радости и удовольствия.

Богатое собрание книг состояло из двух частей – художественной литературы, начиная от Конан Дойла и кончая Тургеневым, и специально-медицинской. Художественную Дина брала у подруги и жадно поглощала дома. А медицинскую девочки тщательно и скрупулезно изучали в квартире Аполлинарии.

Многотомная медицинская энциклопедия была проштудирована от корки до корки. Начали они, естественно, с самого интересного и захватывающего – строения тела и половых органов. Однако, пройдя эту тему, рвения не утратили. Другое тоже показалось им интересным.

Симптомы всех болезней они, конечно, неизменно находили у себя, пережив немало тревог. Впрочем, тут им попала в дедушкиной библиотеке книга Джерома Джерома «Трое в одной лодке», и, прочтя, как один из героев ее, изучив медицинский справочник, тоже обнаружил у себя все болезни, кроме родильной горячки и «колена домашней служанки», подруги немного воспряли духом, не утратив при этом увлечения медициной. Их привлекали тяжеленные крупноформатные анатомические атласы, цветные страницы которых они рассматривали, как смотрят обычно захватывающий фильм. Кажется, именно в тот год Дине впервые захотелось стать врачом. Что же до Аполлинарии, то она с самого детства об этом мечтала, да и родители ее на этом настаивали, особенно отец. Сам он тоже окончил медицинский, однако врача из него не вышло, и он стал чиновником в Министерстве здравоохранения. Вся его надежда теперь была на Аполлинарию, которая, как дедушка, должна была стать невропатологом.

Дина поступила в мединститут с первого раза. А Поля провалилась. Устные экзамены для нее по-прежнему были большим испытанием. Главное, подготовлена была куда лучше Дины, а вот – не судьба. Папа пристроил ее к себе в министерство, однако следующим летом в медицинский она уже не пошла, поступила на психологический факультет, на вечернее отделение, и продолжала работать. Родители немного расстроились, но утешали себя тем, что и психология в некотором смысле тоже медицина. Поля объяснила Дине свой выбор тем, что ей эта наука ближе. «И нужнее», – добавила тогда про себя Дина. Она поняла: подруга надеется, что изучение психологии избавит ее от собственных комплексов.

Дружба их продолжалась, и, хотя виделись они теперь гораздо реже, Дина по-прежнему при каждом удобном случае притаскивала Полю в свою студенческую компанию. Собственной у той так и не образовалось. Во-первых, потому, что училась на вечернем, а во-вторых, по-прежнему очень туго сходилась с новыми людьми.

В Дининой компании Полю приняли сразу, однако ситуации это не облегчало. Аполлинария адаптировалась по-прежнему скверно, из-за чего то и дело возникали разные недоразумения. Она каким-то неясным образом умудрялась, практически ничего не говоря и ни с кем не общаясь, вступать в конфликты на ровном месте. Вплоть до того, что когда на нее абсолютно всерьез запал один из Дининых однокурсников (как он сам пьяно объяснял потом Дине: «Я, понимаешь, просто обалдеваю от полненьких. Завожусь от них с полоборота, а у Аполлинарии такие бедра!...»), она восприняла его настойчивые поползновения как форменное издевательство, в результате чего несчастный получил увесистую оплеуху и, оскорбленный в лучших чувствах, отбыл домой. Аполлинария рыдала на плече у Дины.

– Он что, думал, что если я такая толстая и страшная, то, значит, на все согласна и готова отдаться первому встречному?

– Дурочка, во-первых, совсем ты не страшная, – изо всех сил успокаивала ее Дина. – А во-вторых, ты ему понравилась. Он сам мне говорил.

– Не ври! Никогда мне не ври! Как я могу кому-то понравиться!

– Очень даже можешь, – убеждала Дина.

– Не надо меня успокаивать! Посмотри, какая я толстая, а вокруг полно стройных и симпатичных девчонок.

– Вкусы у всех разные, – нашла новый довод Дина. – Кому нравятся стройные, а кому и наоборот. Вон, папа твой женился на твоей маме. А она и в молодости была полная. Помнишь, мы смотрели их старые фотографии.

– То папа, – совсем расквасилась Поля.

– Разве он один? Погляди вокруг. Сколько упитанных женщин имеют мужей и детей. Их любят. А любят, между прочим, не за фигуру.

– Только тех, кто с фигурой, любят чаще, – продолжала рыдать Аполлиная.

– Совершенно необязательно, – отрезала Дина. – Знаешь, сколько красавиц остается одинокими только потому, что мужчины перед ними комплексуют?

– Вот-вот! Я и говорю. Этот ваш Жора посчитал меня доступной только из-за того, что я жирная и страшная!

И переубедить ее не было никакой возможности. Жора еще предпринял пару попыток очаровать «девушку своей мечты», но Аполлиная оставалась неприступной.

– Не верю я ему, и все. Да и не мой это тип, – заявила она в конце концов Дине, а затем села на строжайшую диету, в результате которой прибавила еще пять кило, окончательно разбив сердце безответно влюбленного Жоры.

За время учебы в институте у Дины случилось несколько платонических романов. А на последнем курсе на вечере, проводимом совместно с подшефным военным училищем, познакомилась с красавцем-курсантом Олегом Терехиным и влюбилась в него с первого взгляда и, как она думала, навсегда.

Любовь оказалась взаимной. Перед самым распределением они поженились. Аполлиная, узнав, что подруга подала заявление в загс, неожиданно расплакалась.

– Я знала, всегда знала, именно так оно и закончится! – сквозь слезы проговорила она.

– Поля, да что закончится, – не понимала Дина. – Наоборот, у нас только начинается.

– У вас! – Слезы лились ручьем из огромных Полиных глаз. – А у нас с тобой все заканчивается! Он тебя увезет далеко-далеко, я останусь совсем одна, и неизвестно, когда мы еще увидимся.

– Куда бы ни увез, все равно будем видеться, перезваниваться. Да ему вообще обещают распределение в Московскую область.

Однако подруга оказалась права. Олега распределили еще более престижно – в группу советских войск в ГДР. Как же Дине завидовали! «Только совместную жизнь начинают, и сразу за границей, – судачили за ее спиной институтские подруги. – Везет же некоторым».

Дина и сама не верила собственному счастью. Все, казалось, в жизни теперь должно удаваться. При таком-то старте.

Выяснилось, что и она может устроиться работать по специальности. Как раз освободилось место в госпитале.

Сыграли свадьбу, на которой Аполлиная, к великому неудовольствию Олега, была свидетельницей («Постройнее кого-то найти не могла? – позже, разглядывая свадебные фотографии, твердил он. – Весь антураж нам твоя подруга испортила»), и уехали.

Первое время подруги часто переписывались, но ведь письма совсем не то, что непосредственное общение. Да и у Дины свободного времени почти не было, и она порой лишь с трудом заставляла себя сесть за очередное письмо. А у той новостей становилось меньше и меньше.

Поля закончила институт, но работать так и продолжала в своем министерстве на какой-то скучной должности. И жить ей, как явствовало из все реже поступающих писем, было нелегко. Дина уехала, в свои компании ее больше никто не водил. Работа, дом да тяжело больная мать, у которой ноги почти перестали ходить – вот и все, что осталось на ее долю.

Затем ГДР не стало. Дина с мужем вернулись, но не в Москву, а в гарнизон под Москвой. Аполлиная однажды к ним даже приехала в гости, однако Олег ее встретил столь холодно, что больше она не появлялась. Он вообще ко всем прежним Дининым друзьям относился рев-

ниво, однако Аполлинария пользовалась особенной его нелюбовью. Сама же Дина в Москву выбиралась редко.

Вскоре она забеременела, потом родила, где уж тут особенно разъезжать. А тут еще мужа неожиданно перевели в Хабаровск. Жизнь становилась труднее и труднее, переписка между подругами совсем заглохла.

Глава 3

Жить на то, что теперь зарабатывал Олег, стало невозможно – не зарплата, а слезы. И подрабатывать особенно было негде. Тем более что гордый и самолюбивый Динин муж объявил:

– Унижаться не буду. Лучше уж демобилизуюсь.

Однако покинуть армию ему удалось лишь с большим трудом.

В результате Дина и Олег снова оказались в Москве, причем каждый у своих родителей. Больше деваться им было некуда.

Олег метался в поисках хоть какой-нибудь работы, и характер у него день ото дня портился. Дина теперь с трудом узнавала в этом желчном, озлобленном человеке того, прежнего, уверенного в себе и не боящегося никаких трудностей Олега, в которого влюбилась и с которым решила связать свою судьбу.

Самой Дине довольно легко удалось устроиться на работу в ведомственную поликлинику. Получала она немного, но это было лучше, чем ничего, да и занималась она по-прежнему любимым делом.

У Олега с работой совсем не складывалось. Он хотел зарабатывать много денег, и сразу. Как-никак на нем была ответственность за жену, дочь и родителей. Стараясь всех обеспечить, он с места в карьер начал пускаться в самые рискованные авантюры, и в результате лишь влез в долги, отдавать которые оказалось нечем.

Тогда Динин муж впал в отчаяние, лечиться от которого принялся известным российским способом. Он запил.

Дина такого позволить себе не могла. Во-первых, всегда была человеком ответственным, а во-вторых, опять забеременела. Мама слезно молила ее сделать аборт. Мол, Юлечку еще худо-бедно совместными усилиями вырастим, но второго-то куда. Вон, муж в долгах, как в шелках, того и гляди убьют. Как же ты тогда одна-то с двумя...

Насчет «убьют» Динина мама говорила не для красного словца. Олегу уже неоднократно звонили с угрозами, требуя возвращения долга.

– Нет, мама. Раз уж так получилось, рожу, – упорствовала дочь. – Вырастим как-нибудь. Я уже вчера договорила. Буду ходить на дому уколы делать. Может, еще массаж освою. Выдюжим.

Она-то действительно выдюжила, а вот Олег нет. Не выдержал. Не мог смотреть, как жена тащит на себе семью. Скандалы и пьянство не прекращались. И как только на свет появился Миша, они развелись.

В первое время Дина даже не ощутила своего одиночества. Времени не было в собственных чувствах копать. Мама ушла на пенсию. Теперь она сидела с детьми, а Дина с раннего утра до поздней ночи зарабатывала на жизнь.

Постепенно все как-то наладилось. Дети подрастали. Мама опять устроилась на работу, и Дина уже могла не так надрываться, как прежде. Олег тоже, каким-то чудом справившись со своими долгами, женился, устроился в приличное место, теперь служил в охране банка, и начал регулярно подкидывать деньги на детей.

Все вроде устроилось, но именно тогда-то Дина, наконец, ощутила, как она одинока. Прежнюю компанию разметало кого куда. Одни уехали за границу, другие разбогатели и, вознесясь, уже не желали общаться с людьми из прошлого, а кто-то, наоборот, опустился на самое дно и тоже стеснялся возобновлять прошлые связи.

Следов Аполлинару Дина найти не смогла. По телефону ответили чужие люди, сообщившие, что квартиру уже несколько раз перепродавали и ни про каких Яворских они слыхом не слыхивали.

Дина попробовала разыскать подругу через министерство. Но выяснилось, что Аполлинария оттуда давно уволилась, и никто о ней ничего не знает. Подруга словно бы растворилась.

Прошное ушло, а новых друзей не появлялось. В поликлинике у Дины со всеми были нормальные, ровные отношения, но не больше. Близости ни с кем не возникло.

С мужчинами в ее жизни дело обстояло еще хуже, чем с подругами. Никого! Да и где было с ними познакомиться? Дом, работа, и только. Пойти куда-то развлечься? Но ведь одна не пойдешь. Да и денег лишних почти не оставалось. Все заработанное в детей вкладывала. Пациенты одни старички, а коллеги женского пола.

Правда, один старичок из пациентов однажды предложил ей выйти за него замуж. Он был абсолютно одинок и ему требовался постоянный уход. Как банально бытовой, так и профессиональный медицинский.

В качестве положительных своих сторон старичок привел два аргумента. Во-первых, он уже старый и больной, поэтому долго на этом свете не продержится, а во-вторых, после его кончины Дина получит в награду двухкомнатную квартиру в центре.

– Соглашайтесь, милая, соглашайтесь, – кокетливо косился на Дину старый ловелас. – Квартирка-то иначе все равно пропадет. У меня вообще никаких родственников нету. Даже дальних. Да вы не спешите. Подумайте.

Дина слушала и жалела одновременно его и себя.

– А откуда вы так уверены, что я не замужем? – поинтересовалась она. – У меня дети есть.

– Знаю, – кивнул «жених». – Я старый чиновник, привык все выяснять. С главврачом по вашему поводу беседу имел. Очень положительные характеристики.

Дина вспыхнула и, не выдержав, спросила:

– Неужели вам не стыдно?

– Милочка, – совершенно не обиделся старичок. – В моем возрасте абы кому не доверись. Я, знаете ли, хочу еще немножко пожить и умереть своей смертью.

Слова его привели Дину в полную растерянность. Она не знала, как реагировать. С одной стороны, ей вроде бы оказали доверие – и старичок, и главный врач. Но с другой – это было унижительно. Во что же она превратилась и как выглядит, если ей отваживаются всерьез делать подобные предложения! И даже главврач не видит в этом ничего странного!

Не желая обижать старичка, она обещала подумать и, когда он в следующий раз явился на прием, предложила:

– А давайте я лучше вас с мамой своей познакомлю. Она тоже женщина одинокая, и по возрасту вам ближе.

– Ой, со старухами, знаете ли, скучно. А общение с молодыми тонус поднимает.

Дину передернуло. Кажется, старый ловелас претендовал не только на медицинско-бытовой уход. А здоровья, как она знала, у него еще достаточно. И она ответила твердым отказом.

После она иногда себя спрашивала: «Может, разумнее было бы согласиться?» Старичок, в конце концов, был вполне милым человеком и, как показало будущее, жить ему оставалось лишь год. Была бы ему напоследок радость, а Дина обеспечила бы детей квартирой. Однако она понимала: нет, это не для нее. Даже ради детей не смогла бы.

А личной жизни по-прежнему не было.

И вот наконец-то они повстречались с Полей!

Дина даже не знала, рада она или нет. Сильно изменилась за прошедшие годы подруга. Вальяжная, холеная, полностью уверенная в себе женщина. Кто бы мог подумать! Даже Полина полнота, которую она всегда проклинала и стеснялась, ныне превратилась чуть ли не в достоинство, так Аполлинария теперь ее подает.

И вообще, судя по антуражу, ей есть чем гордиться. Офис. Машина. Водитель. Важные клиенты. «Вдова Клико», наконец. Нет, не увидела бы Дина это своими глазами, никогда не

поверила бы. А сама она? Чем она может похвастаться? Разве детьми. Да, Юлька и Мишка действительно получились что надо.

Интересно, а Поля замужем? Колец у нее на пальцах было много, и они так сверкали, что Дине не удалось разглядеть, есть ли среди них обручальное. Хотя, конечно, сомнений нет: такая шикарная женщина обязательно должна быть замужем.

Дина одного не понимала: зачем она понадобилась Поле, если у той и так все хорошо. Она ведь ничего прибавить ей не может. И общего у них не осталось ничего. Наверное, просто по старой памяти обрадовалась. Вот и пригласила работать. Сейчас, вероятно, даже жалеет, думает, как отделаться, если я позвоню.

И Дина решила: ни за что не станет звонить. Зачем человека смущать. Что было, то прошло. Но все-таки смешно: Поляка – ясновидящая! Зачем она в это влезла, если у нее есть диплом психолога? Профессия в наше время сама по себе модная, популярная, и заработки неплохие приносит.

Наверное, ясновидящей быть выгоднее. Но как застенчивую Полюку занесло в этот бизнес, да еще с таким явно успешным результатом? Перед глазами у Дины невольно встала застенчивая и обидчивая толстушка, которой даже познакомиться с кем-нибудь было трудно.

Неужели психологическое образование принесло такие блестящие результаты и Поля сумела решительно переделать себя? И что же получается? Аполлинария все годы, что они не виделись, росла, развивалась, а она, Дина, профессионально не просто стояла на месте, а, можно сказать, катилась под гору.

Как, почему это вышло? Ведь жизнь начиналась так здорово!

Дина совсем загрустила. Нет, она ни за что не позвонит Аполлинарии! Дело даже не в разнице их. Это она как раз спокойно могла пережить. Но Аполлинария светила жизненной силой, а Дина ощущала себя засохшей коркой выжатого лимона, давно забытого в пыльном углу кладовки.

Она вздохнула. Пусть все остается как есть. У нее уже нет сил бороться. Хватило бы дорастить детей. У каждого, в конце концов, свой путь. Однако сколько она ни уговаривала себя, ничего не могла поделать! Она завидовала, завидовала Аполлинарии!

Когда вечером, после порядком затянувшегося приема больных, Дина вернулась домой, из кухни стремглав вылетела мама и, всплеснув в воздухе поварешкой, восторженно сообщила:

– Тебе только что звонила Аполлинария! Говорит, вы с ней нашлись! Скорей, скорей раздевайся. Мой руки. А я тебе пока супа налью, и ты мне будешь рассказывать. А то Поля мне совершенно невероятные вещи сообщила. Я даже не до конца поняла. Ты мне объясни, какой это она центр возглавляет? Не представляю, чтобы Поля – и что-нибудь возглавляла. Она же всю жизнь за твоей спиной пряталась. Наверное, ее каким-нибудь зитц-директором посадили. Существо-то совершенно безответное. Обмануть ничего не стоит. Диночка, ты бы ей хоть подсказала, как это опасно.

– Мама, – перебила ее дочь, – Аполлинария теперь большой человек. И вовсе не зитц-директор, а сама себе хозяйка. До какой степени, правда, не знаю, мы с ней не очень долго общались, но полное впечатление, что она теперь процветает.

– Да-а? – изумилась мама. – А такая ведь была робкая нескладеха.

– Была, – сердито бросила Дина, поднося ко рту ложку супа. – Мама, от той Аполлинарии почти ничего не осталось.

– Неужели похудела?

– Вот это как раз осталось, но в остальном она теперь царица.

– Никогда не поверила бы! Как ей удалось? А-а, замуж, наверное, выгодно вышла. Хотя кто бы ее, бедняжку, такую взял.

– Мама, ты не права. На Полю и раньше охотники находились.

– Что-то я ни одного кавалера при ней никогда не видела.

– Потому что она их отпугивала. Сама не верила, что может нравиться.

– Нет, богатый бы ее точно замуж не взял, – по-прежнему сомневалась мать. – Слушай, может, она просто тебе наврала с три короба? Расскажи-ка, что на ней было? С чего тебе показалось, что она такая богатая?

– Она вышла из центра имени себя, – отчеканила Дина. – В собольей шубе. Все пальцы в кольцах, причем не из простого ювелирного магазина. Причесана в дорогом салоне. Услуги косметолога тоже на лице. А сели мы, мама, в ее дорогуший «Мерседес», который вел ее личный шофер. Пили мы по дороге шампанское «Вдова Клико».

– Охренеть! – воскликнула мама и немедленно спохватилась, косясь в проем двери. – Надеюсь, Миша меня не слышал.

– На сей счет успокойся, – хмыкнула Дина. – У них в школе почище выражаются.

– Так я же с ним постоянно борюсь. А он теперь станет говорить, будто я сама ему плохой пример подаю.

– Не, ба, не буду, – немедленно послышался из соседней комнаты голос Дининого отпрыска. – Оно сюда хорошо подходит. Я тоже охренел.

– Брысь! – крикнула бабушка. – Нет, Динка, но как ей удалось так удачно устроиться? Не томи. Рассказывай.

– Пока сама не знаю, – пожала плечами дочь. – Мы увиделись-то совсем накоротке. Только телефонами успели обменяться.

– Тогда скорее доедай и звони ей, – потребовала Нина Филипповна. – А то я умру от любопытства.

И пока дочь ела, она, сидя напротив нее, не переставала причитать. Как, мол, это получается, что люди с нулевыми талантами великолепно устраиваются, а такие, как Дина, у которых вроде бы все задатки, влачат жалкое существование в какой-то поликлинике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.